

Irina Y. Barclay <https://orcid.org/0000-0002-5511-7025>*Appalachian State University**Department of Languages, Literatures & Cultures**L.S. Dougherty Hall**261 Locust Street**28608-2063 Boone, USA**barclayiy@appstate.edu*

ФОНЕТИЧЕСКАЯ И МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ АНТРОПОНИМОВ АННА, ЕЛИЗАВЕТА И СОЛОМОНИДА В ДЕЛОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ XVI–XVII вв.

Phonetic and Morphological Adaptation of the Anthroponyms Anna, Elizabeth and Solomonida in Russian Official Documents of the 16th–17th Centuries

Резюме

Цель настоящей статьи – изучение фонетической и морфологической адаптации женских антропонимов *Анна*, *Елизавета* и *Соломонида*, которые в своих исходных формах и дериватах употреблялись в деловых памятниках письменности.

Их письменная фиксация наглядно отобразила лингвистическую ориентацию писцов и переводчиков на фонетические и структурные модели и аналогии древнегреческого, древнееврейского и староанглийского языков. Морфологические основы вышеперечисленных антропонимов продемонстрировали свою гибкость, которая проявилась в их слиянии с исконно русскими суффиксами со значением женского лица, а также с суффиксами притяжательных прилагательных фамильного типа.

Консонантная основа английского женского антропонима *Elizabeth* также подверглась морфологическим изменениям с соблюдением правил официального консервативного этикета.

Метод сплошной выборки из деловых памятников письменности XVI–XVII вв. позволил значительно расширить границы диахронической антропонимики, которая в указанный промежуток времени характеризовалась своими фонетическими и морфологическими особенностями.

Лингвистическая проблематика и результаты исследования можно использовать в дальнейших филологических штудиях, которые будут посвящены анализу исторических антропонимов и их дериватов, а также роли посессивных словосочетаний в синтаксических

конструкциях с учетом тех или иных лингвогеографических ареалов их распространения. Анализ архивных памятников письменности XVI–XVII вв. значительно расширит научную базу исторической женской антропоники.

Ключевые слова: старорусский язык, дериват, антропоним, женские имена, морфологическая адаптация, фонетическая адаптация.

Summary

This article explores the phonetic and morphological adaptations of the anthroponyms *Anna*, *Elizabeth*, and *Solomonida* in Old Russian official documents of the 16th and 17th centuries. These names, often used in their vernacular derivatives, reflect the linguistic practices of scribes and translators, who aligned them with morphological patterns from Old Greek, Hebrew, and English.

The study highlights how these anthroponyms were integrated into Old Russian through the addition of native suffixes, including possessive markers, to loanword stems. For example, the English name *Elizabeth* was Russified with the suffix *-a*, adhering to the conservative norms of official etiquette.

The analysis draws on annotated citations from Old Russian documents, providing valuable insights into the diachronic development and morphological variability of anthroponyms. The findings contribute to our understanding of the interplay between borrowed and native linguistic elements in historical anthroponymy.

This research also opens pathways for further studies on productive and unproductive anthroponyms, their derivatives, possessive forms, and regional variations, particularly in yet-undiscovered archival manuscripts. The proposed linguistic analysis expands the foundation of historical anthroponymy and enhances our understanding of diachronic linguistic processes.

Keywords: old Russian language, derivate, anthroponym, female names, morphological adaptation, phonetic adaptation.

АННА

Акцентный тип антропонима *Анна* характеризовался ударным вокализмом на первом слоге, а с морфологической точки зрения входил в группу одушевленных склоняемых имен существительных единственного числа с окончанием *-а*.

В старорусских памятниках письменности антропоним *Анна* сочетался с семейной терминологией, мужскими именами, с прозвищами и фамилиями на *-ев/ -ов* и *-ин*: вдова, дочь, жена/ жонка, мать, сноха, бабка, сестра, дочь и т.п.:

... пол-лавка Анны Оедоровой жены Охотникова прозвище Осѣрихина ... (ТУАК, 1901, 34); За вдовою Анною за Ивановою женою Оилипова мужа еѣ помѣстье ... (Сторожев, 1904, 621); Дворъ ... вдовы княгини Анны Микиѣровны ... (Урусов, 1913, 588); Сошного письма вопчѣ со вдовою Анною съ Муралѣевою женою Воронова ... (Сторожев, 621)¹.

¹ В этот промежуток времени отмечаются единичные случаи употребления редуцированно-го *-ѣ* в московских и новгородских деловых памятниках письменности: ... вдова Аньна Богдановская (Анкундинов, 2003, 44); ... а продалъ ... вогъчинѣ жены своєї Аньны ... (Котков, 1968, 194).

Эти экстралингвистические и лингвистические факторы способствовали формированию посессивных форм единственного числа на *-ино/ -ыно* с чередованием удвоенного и одиночного *-н-// -н'// -нн'* в мягкой и твердой основе притяжательных имен прилагательных *Анино/ Аннино/ Анин/ Аныно*, в которых наблюдалось отсутствие редуцированного *-ъ-*. Типичным было употребление родительного и творительного падежей с предлогами *изо* и *за* и *со* в значениях 'лицо, за которым числился тот или иной участок земли' или 'совместность действия' (СлРЯ 5, 127–128; СлРЯ 23, 7–8).

... и в тещи | своеи место Аннины Зинов(ь)евы дочери и в бабки своеи ... яз, Иван, руку приложил. | (Алексинская, 1998, 240); ... за Гарасимкомъ за Дмитровымъ сыномъ Тотариновымъ – по памяти ... изо вдовина Аннина помѣстья Юрьевы жены Ржевского (Сторожев, 1898, 277).

Фонетическое смягчение производящей основы *анн-* разрушало устойчивые языковые каноны и теологическую семантику этого антропонима, в словообразовательную структуру которого проникали народно-разговорные суффиксы со значением женского лица *-(н)иц-*, *-ютк-* и *-юшк-*. Они привели к появлению трехсложных дериватов *Анница*, *Анютка* и *Анюшка*, которые характеризовались подвижным ударением, свежей эмоциональной окраской, а также набором таких социальных признаков, как 'слуга', 'холопка' и т.п. Вышеперечисленные дериваты чередовались с календарной формой антропонима *Анна*, который в начальной и заключительной части того или иного документа обладал нейтральной стилистической окраской:

... а темъ помѣстьемъ | влодела вдова Анница Микулина жена Проскурнина ... | к челобитной ... вдова Анна Ми|кѣлина жена Проску|рнина дапросныя речи ... дала (Котков, 1977, 162–163); Двор ... вдовы Анны Верещагины. И вдова Анница сошла безвестно ... (Пугач, 2018, 267).

В моделях, образованных от *Анна* и его деривата *Анница*, наблюдалось использование двойных суффиксов *-иц-ын-* и *-ин-ск-* со значением принадлежности-соотнесенности (Демьянов, 2001, 21):

... а прожиточная их помѣстья | ... в томъ в Анницыномъ да в | Овдотицыном Кириановых дочери Ооли|монава ... (Сторожев, 245); Въ Богородицкомъ погостѣ въ Рыбенскомъ волостка Селца Аннинская Савельевы ... (Неволин, 1853, 347).

В отличие от *Анница*, в дериватах *Анютка* и *Анюшка* наблюдалась подвижность ударения и орфографическая утрата удвоенного *-нн-*:

... да дѣвка Анютка ... (Бестужевъ-Рюминъ, 1883, 421); Двор посадкой – вдовы Анны Игнатовские жены Пентюшина ..., а та вдова Анютка и с сыномъ своим жили въ

закладчиках ... (Урусов, 101); ... а нынѣ владѣть тѣмъ мѣстомъ жена ево Анюшка ... (ТУАК, 136; Неволин, 235)².

В указанный промежуток времени дериваты *Анница*, *Анютка* и *Анюшка* входили в словообразовательную парадигму таких женских и мужских антропонимов, как: *Аксютка*, *Васютка*, *Малютка*, *Федютка*; *Артюшка*, *Горюшка*, *Евтюшка*, *Кирюшка*, *Ондрюшка*; *Дарица*, *Евгеница*, *Ириница* и др.

СОЛОМОНИДА

Этот антропоним был заимствован в форме греческого родительного падежа с суффиксом – *idos/ eidos* в значении ‘относящийся к своему близкому родственнику’ и находился в родстве с древнееврейским мужским именем *Sol'omon/ Shelomoh* > *Σαλωμών, Σολομών Σολομών* и женским *Solomonija// Σολομωνίς* (Hübner, 114, 261). В старорусских памятниках письменности отмечаются его немногочисленные многосложные дериваты с суффиксами лица *-ашк-*, *-к* и *-иц-*: *Соломонидица*, *Соломонидка* и *Соломашка*:

... мать ево Соломанида семидесяти трех лет (Матисон, 120); ... а е томъ дворѣ живет сынъ ево Минѣйко с матерю Соломанидкою ... (Урусов, 105); На том месте живала вдова Соломонидица ... (Матисон, 14–15); ... на огородномъ мѣсте живет вдова Соломашка ... (Урусов, 129).

В отличие от дериватов *Соломонидица* и *Соломонидка*, в морфологической структуре деривата *Соломашка* наблюдалось отсутствие греческого суффикса – *idos/ eidos*, что свидетельствовало об усечении исходной производящей основы, которое происходило под влиянием народно-разговорных норм старорусского языка.

Судя по памятникам письменности, пятисложный антропоним *Соломанида* включался в одну словообразовательную парадигму женских имен с суффиксом *-ид-*: *Антонида/ Онтонида* и *Степанида/ Стефанида*, а его шестисложный дериват *Соломонидица* пополнил словообразовательный ряд таких женских имен, как *Мамелорица*, *Мамелфица*, *Марфица*, *Марьица*, *Онтонидица*, *Нелидица* и др. Наконец, четырехсложный дериват *Соломашка* из-за своего суффикса *-ашк* входил в группу женских и мужских антропонимов *Богдашка*, *Ивашка*, *Игнашка*, *Кондрашка*, *Лукашка*, *Малашка*, *Осташка*, *Парашка*, *Ромашка* и т.п.

² Сочетание деривата *Анютка* с этническим термином *татарка* отмечается в ярославских деловых памятниках письменности: Дв. таможенново подьячево Олѣера Спиридона сына Губина – у нево 2 сына Осипко да Гарасимко, да у нево жъ женка куплена татарка Анютка Кирилова доч ... (Урусов, 166).

ЕЛИЗАВЕТА

В деловых памятниках письменности была отражена старорусская устно-разговорная традиция в употреблении этого имени, а в дипломатических – английская.

ОЛИСАВА

В вологодских памятниках письменности XVI–XVII вв. было отображено пять фонетических четырехсложных дериватов: *Алисавья*, *Олисафья*, *Олисава*, *Олисав(ф)ка*, *Олисавица*, которые характеризовались ударением на третьем слоге и чередованием исконного греческого гласного *e* с *o//a* и губно-зубными согласными *в//ф* (Фасмер, 1909, 11).

По мнению Хюбнера (1966, 256), ударность третьего слога в вышеперечисленных дериватах объясняется спецификой ударения в греческом антропониме *Σλισάβετ* с дальнейшим сохранением согласного *с*. Лингвистические примеры продемонстрировали контаминацию греческой основы этого женского антропонима с суффиксами *-иц/-к-* и разговорной финалью с собирательным значением *-ья*:

В келье вдова Олисавка с детми ... бродить по миру (Пугач, 298); Во дв. Оска Микитинъ з женою Алисавьею (Пугач, 2008, 40); Во дв. вдова Олисавица Петровская жена Бубнова (Пугач, 369).

Вышеперечисленные дериваты включались в словообразовательную парадигму таких антропонимов, как: Агафья, Анисья, Дарья, Ксенья, Меланья, Наталья, Устинья и см. выше.

ЕЛИЗАВЕТЬ

В *Памятникахъ Дипломатическихъ Сношений Московскаго Государства съ Англією съ 1584 по 1604 годъ* (Бестужевъ-Рюминъ, 1883) женский английский антропоним *Elizabeth* [i'lizəbɐθ] был зафиксирован в шести орфографических вариантах: *Елизаветъ*, *Елизоветъ*, *Елисаветъ*, *Елисафетъ*, *Елисафетъ* и *Елисоветъ*.

С одной стороны, писцы и переводчики стремились точно передать неизменяемую консонантную основу антропонима *Elizabeth* на твердый согласный *-т/ть* с соблюдением правил английской транслитерации:

Elizabeth, by the Grace of God, of England, France and Ireland, Queen, Defender of the Faith ... (Knapton, Darry, et al, 1732, 97).

Елизавет-королевна Английская (Бестужевъ-Рюминъ, 1883, 2); Елисаветъ, Божьею милостью Аглинская, Францовская и Хибирска королевна, отборонительница вѣры ... (Он же, 173).

С другой стороны, маскулинный характер основы антропонима *Елисаветъ/ Елисафетъ* заставлял писцов и переводчиков ориентироваться на морфологические основы собственных и нарицательных имен существительных женского рода единственного числа, которые могли бы привести к согласованию естественного пола и женского рода одушевленного женского лица на письме³.

В примерах, приведенных ниже, видно, что твердый согласный *т* на письме подвергался смягчению благодаря использованию *-ь*, окончаний мягкой разновидности женского рода *-и* в родительном и дательном падежах и *-ю* в творительном:

... чтобъ королевна Елисафетъ тое дѣвку ... показала (Он же, 3); ... гдрю нашему ц.і.в. князю быть съ сестрою своею съ королевною съ Елизаветью въ докончанье на всякого недруга за одинъ (Бестужевъ-Рюминъ, 6); ... и нашимъ бы людемъ и королевны Елисавети (Он же, 12).

Окончания твердой разновидности *-а* в именительном падеже и *-ы* в родительном и *-е* в дательном падежах начали употребляться позднее:

Елисавета Королевна ... отписала противъ сее нашіе грамоты вскоре ... (Он же, 168); ... для сестры нашіе Елисаветы королевны ... (Он же, 176); ... что в. гдръ ц. и в. князь Борисъ Ѳедоровичъ послалъ былъ их к сестрѣ своей, Елисаветѣ королевне ... (Он же, 300)⁴.

В зафиксированной устно-разговорной речи писцов и переводчиков было заметно, что слова *королевна* и *сестра* часто заменяли собой антропоним *Елисаветъ/ Елизоветъ* и согласовывались по принципу рода и числа с глаголами прошедшего времени:

... то королевна велѣла меня къ вамъ отпустить ... (Он же, 24); ... и королевна говорила ... (Он же, 31).

Сюда же относятся семантические признаки имен существительных женского рода *королевна* в значении 'полновластная правительница' (СлРЯ

³ Дефисные написания подчеркивали мыслительный пропуск гласной *-а* в универбанте *Елизавет-королевна*.

⁴ Форма на *-а* в имени *Elizabeta* упоминается в письме английской королевы *Elizabeth* королю Генриху (Marcus, Mueller, Rose, 2000, 8).

7, 337), *отборонительница веры* ‘защитница, заступница’ (СлРЯ 13, 185) и *сестра* ‘царствующая женщина’ (СлРЯ 24, 97), которые являлись частью многокомпонентного семантического универбанта *Елизоветъ королевна, отборонительница веры, государыня и сестра наша*.

Все перечисленные лингвистические факторы оказали свое воздействие на формирование женской родовой принадлежности английского антропонима *Elizabeth*.

Итак, фонетическая и морфологическая адаптация женских антропонимов *Анѣна/ Анна, Елизавета/ Елисавета* и *Соломанида* продемонстрировала свою тесную генетическую связь с древнееврейским, греческим и старорусским языками. По своим грамматическим признакам дериваты этих антропонимов вошли в словообразовательную парадигму имен существительных женского рода, включая старорусскую письменную адаптацию английского антропонима *Elizabeth* > *Елизаветъ* > *Елизоветъ* > *Елизавета*, на формирование рода которого сильное влияние оказала экспансия существительных женского рода на *-а*.

Использование материального набора старорусских суффиксов *-иц-, -ютк-, -юшк-* и *-ашк-*, а также контаминация греческого суффикса *-ид-* с *-иц-* показало развитие женских дериватов со значением лица в старорусской антропонимике.

Суффиксы притяжательных имен прилагательных фамильного типа на *-ин/ -ын-, -ицыно* и *-ск-* активно употреблялись в названиях тех или иных владельческих участков и пополняли ряды старорусских топонимов.

Сравнение деривационных рядов по их количественному составу продемонстрировало, что наиболее коротким был ряд, образованный от двусложного антропонима *Анна* с его тремя трехсложными образованиями *Анница, Анютка* и *Анюшка*. За ним следуют многосложные антропонимы *Олисавета* и *Соломанида* с их дериватами: *Олисавета, Олисав(ф)ка, Олисавица, Олисав(ф)ья, Соломанидица, Соломанидка* и *Соломашка*.

Все эти дериваты использовались на общерусских территориях и даже среди тюркского населения, которое в исследуемый промежуток времени проживало на ярославских землях.

Лингвистический взгляд, изложенный в настоящей статье, может заставить ученых создать полное лексикографическое описание старорусской женской антропонимики⁵.

⁵ Автор статьи не претендует на полное изложение этого лингвистического вопроса из-за многочисленных неизвестных рукописей, которые до сих пор находятся в российских и зарубежных архивах.

БИБЛИОГРАФИЯ (REFERENCES)

- Алексинская, Т.Н., Баранов, В.К., Маштафаров, А.В. (1998). *Акты московских монастырей и соборов XV – начала XVII вв.* (240). Москва: Ладомир.
- Анкундинов, И.Ю., Войскобойникова Н.П., Соловьева, Т.Б. (2003). *Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII вв.* (44). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Бестужев-Рюминъ, К.Н. (ред.). (1883). *Сборник Русскаго историческаго общества*, томъ тридцать восьмой (1–6, 13, 176, 315, 387, 419, 421). Санкт-Петербург: Тип. А. Траншеля.
- Демьянов, В.Г. (2001). *Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков: проблемы морфологической адаптации* (21). Москва: Наука.
- Котков, С.И. (1968). *Московская деловая и бытовая письменность XVII вв.* (194). Москва: Наука.
- Котков, С.И., Коткова, Н.С. (1977). *Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги* (162–163). Москва: Наука.
- Матисон, А.В. (2018). *Писцовая и переписные книги Ржева XVII – начала XVIII веков* (14–15, 120). Москва: Старая Басманная.
- Неволин, К.А. (1853). *О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, съ приложениемъ карты* (235, 347). С. Петербургъ. Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.
- Пугач, И.В. (2008). *Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века в 2-х томах* (40, 135–136, 369). Москва: Издательство «Кругъ».
- Пугач, И.В. (2018). *Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века*, т. 3 (267). Вологда: Древности Севера.
- Сторожев, В.Н. (1898). *Писцовые книги Рязанскаго края. XVI в., т. 1, вып. 1* (277). Рязань: Типографія Н.В. Любомудрова.
- Сторожев, В.Н. (1904). *Писцовые книги Рязанскаго края. XVI в., т. 1, вып. 2* (245, 621). Рязань: Типографія Н.В. Любомудрова.
- ТУАК. (1901). *Выпись изъ Тверскихъ писцовыхъ книгъ Потапа Нарбекова и подъячаго Богдана Одаева 1626 года* (34, 136). Тверская ученая архивная комиссия. Городъ Тверь.
- Урусов, П. (1913). *Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в.* Книга 6. вып. 3 и 4 (101, 105, 129, 166, 588). Москва.
- Фасмеръ, М.Р. (1909). *Греко-славянскіе этюды. III. Греческія заимствованія въ русскомъ языкѣ* (11). Санкт-Петербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ.

- Aleksinskaya, T.N., Baranov, V.K., Mashtafarov, A.V. (1998). *Akty moskovskikh monastyrei i soborov XV – nachala XVII vv.* (240). Moscow: Ladomir.
- Ankundinov, I.Yu., Voiskoboinikova, N.P., Solov'eva, T.B. (2003). *Pistsovye i perepisnye knigi Novgoroda Velikogo XVII – nachala XVIII vv.* (44). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Bestuzhev"-Ryumin", K.N. (red.). (1883). *Sbornik" Russkago istoricheskago obshchestva*, tom" tridsat' vos'moi (1–6, 13, 176, 315, 387, 419, 421). St. Petersburg: Tip. A. Transhelya.
- Dem'yanov, V.G. (2001). *Inoyazychnaya leksika v istorii russkogo yazyka XI–XVII vekov: problemy morfologicheskoi adaptatsii* (21). Moscow: Nauka.
- Fasmer", M.R. (1909). *Greko-slavyanskіe etyudy. III. Grecheskiya zaimstvovaniya v" russkom" yazyke* (11). St. Petersburg": Tipografiya Imperatorskoі Akademii Nauk".

- Hübner, P. (1966). *Zur Lautgestalt Griechischer Heilegenamen im Russischen Seit dem 11. Jahrhundert* (114, 126, 256). Bonn.
- Knapton, J.J. and P., Darry, J., Midwinter, D., Ward, A., Bettesworth, A., Hitch, C., Pemberton, J. [and 7 others in London] (1732). *A General Collection of treatys, manifesto's, contracts of marriage, renunciations, and other public papers, from the year 1495, to the year 1712*. Volume II. Containing (97). The second edition. London.
- Kotkov, S.I. (1968). *Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' XVII vv.* (194). Moscow: Nauka.
- Kotkov, S.I., Kotkova, N.S. (1977). *Pamyatniki yuzhnovelikorusskogo narechiya. Otkaznye knigi* (162–163). Moscow: Nauka.
- Leah, S.M., Mueller, J., Mary Beth Rose (2000). *ELIZABETH I. Collected Works* (8). Chicago & London: The University of Chicago Press.
- Matison, A.V. (2018). *Pistsovaya i perepisnye knigi Rzheva XVII – nachala XVIII vekov* (14–15, 120). Moscow: Staraya Basmannaya.
- Nevolin, K.A. (1853). *O pyatinakh" i pogostakh" novgorodskikh" v" XVI vñkrñ, s" prilozheniem" karty* (235, 347). St. Petersburg". V" Tipografii Imperatorskoi Akademii Nauk".
- Pugach, I.V. (2008). *Pistsovye i perepisnye knigi Vologdy XVII – nachala XVIII veka v 2-kh tomakh* (40, 135–136, 369). Moscow: Izdatel'stvo «Krug».
- Pugach, I.V. (2018). *Pistsovye i perepisnye knigi Vologdy XVII – nachala XVIII veka*, t. 3 (267). Vologda: Drevnosti Severa.
- Storozhev, V.N. (1898). *Pistsovye knigi Ryazanskago kraya. XVI v., t. 1, vyp. 1* (277). Ryazan: Tipografiya N.V. Lyubomudrova.
- Storozhev, V.N. (1904). *Pistsovye knigi Ryazanskago kraya. XVI v., t. 1, vyp. 2* (245, 621). Ryazan: Tipografiya N.V. Lyubomudrova.
- TUAK. (1901). *Iypis' iz" Tverskikh" pistsovykh" knig" Potapa Narbekova i pod'yachago Bogdana Øadeeva 1626 goda* (34, 136). Tverskaya uchenaya arkhivnaya komissiya. Gorod" Tver.
- Urusov, P. (1913). *Yaroslavskie pistsovye, dozornye, mezhevye i perepisnye knigi XVII v.* Kniga 6. vyp. 3 i 4 (101, 105, 129, 166, 588). Moscow.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Словарь русского языка XI–XVII вв. (2000). СЛРЯ, вып. 5, 1978; вып. 7, 1980; вып. 13, 185; вып. 23, 1996; вып. 24. Москва: Наука.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. (2000). SLYa, vyp. 5, 1978; vyp. 7, 1980; vyp. 13, 185; vyp. 23, 1996; vyp. 24. Moscow: Nauka.